

ных ограничений, накладываемых на наши познания в области этногенеза самой неоднозначностью сущности свойственных ему процессов, ни в коей мере не может способствовать успешному решению этих проблем.

Таковы некоторые общие размышления, навеянные новой книгой В. П. Алексеева. Я умышленно не касался здесь частных, которые следует отнести к ее недостаткам, потому что оценка работ такого масштаба определяется не фактическими неточностями, а фундаментальностью обсуждаемых научных положений.

М. В. Крюков

Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. I—II.

Для языкознания всегда чрезвычайно плодотворно было обращение к результатам этнографической науки — представления о жизни народов различного культурного регистра служили важным подспорьем при восстановлении состояний языка, недоступных непосредственному наблюдению. Анализ глубинных структур разных аспектов культуры способствует объяснению основ языкового строя; формируется особая лингвистическая дисциплина — этнолингвистика. Но, с другой стороны, трудно переоценить значение данных, добытых языковедами, для этнографии. Язык изучаемого народа является для этнографа не только средством, но и проблемой; этнограф, не знающий соответствующего языка, не получает информацию из первых рук; язык же — один из основных аспектов культуры, способный раскрыть даже те стороны жизни, которые не контролируются непосредственно сознанием.

Особое место во взаимодействии этих двух наук принадлежит историческому языкознанию. Именно достижения этнографии позволили этой дисциплине достичь современного уровня развития, переступить круг представлений, основанный на библейских текстах и других подобных источниках. Данное положение в полной мере относится и к индоевропейскому языкознанию.

Новейший синтез в этой области представлен в книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. В ней по-новому осмыслены данные индоевропеистики — комплексной науки, первым шагом которой был знаменитый доклад Уильяма Джоунза, прочитанный в 1786 г. Азиатскому обществу в Калькутте. За 200 лет несколько раз менялись основные представления о соотношении индоевропейских языков, об их доистории, о судьбах соответствовавшей им «глотофорной» общности; и каждый раз новый этап развития науки находил отражение в обобщающем труде типа компендиума. Завершенный рецензируемой книгой этап начался в 20-х годах нашего столетия введением в науку материалов новооткрытых анатолийских и тохарских языков; для этого этапа характерно интенсивное развитие «доисторической» археологии, результаты которой многократно интерпретировались индоевропеистами. Важнейшим признаком этого этапа является развитие общелингвистической теории, позволяющей серьезно ставить вопрос о том, что в языке и в его развитии может быть и чего быть не может. Данная типологическая ориентация и обуславливает основной пафос книги Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

В первом томе рассматриваются вопросы чисто лингвистические; он посвящен «индоевропейскому языку». Второй том трактует проблему «индоевропейцев»: на основании содержащихся в первом томе чисто языковых положений восстановлена праязыковая лексика («семантический словарь»), которая служит базой для реконструкции протокультуры. Книге предпослано предисловие Р. О. Якобсона, идеи которого вдохновляли авторов при разработке новых лингвистических концепций.

Лингвистический том состоит из трех основных разделов, в которых рассматриваются фонология, грамматическая система и «ареальные структуры». Звуковой строй праязыка («индоевропейского языка» — по терминологии книги) авторами пересмотрен кардинальным образом. В центре реконструкции индоевропейской фонетики — полное переосмысление традиционной реконструкции системы праязыковых согласных. Если до определенного времени восстановление праиндоевропейских согласных ориентировалось в значительной степени на древнеиндийские согласные с учетом древнегреческих (по способу произнесения восстанавливались ряды DHD T), то авторы данного труда, развивая идеи Х. Педерсена, принимают за исходный тип систему согласных, весьма близких к тому, что представлены в армянском и древнегерманском (точнее, в протоармянском и в протогерманском) языках: D^(h)T^(h). Эта реинтерпретация связана прежде всего с аргументами типологическими: известно, что система согласных типа DHD T либо вовсе отсутствует (!) в известных языках мира, либо ее выделение проблематично. Основательно пересмотрен также ряд других разделов праязыковой фонетики. Идеи этого круга, высказывавшиеся авторами в предшествующих публикациях, нашли поддержку со стороны ряда ведущих индоевропеистов. Все же постулируемая Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым праязыковая звуковая система не может быть принята безоговорочно, так как типологические доказательства имеют по существу лишь статус аналогии; речь идет о неполной индукции. Из поля зрения авторов книги выпал такой важный уровень фонологического компонента языка, как просодика: ударения, тоны, акценты и акцентные парадигмы ими не разбираются. Между тем именно взаимодействие просодического и фонемного уровней объясняет важнейшие факты и тенденции языкового развития.

В разделе, посвященном грамматике, господствует идея языкового типа, придающая всему этому разделу единство и стройность. Авторы истолковывают различные стороны праязыковой грамматики, рассматривая индоевропейский праязык как язык активного строя. Следует отметить, что концепция активного языкового типа (в одном ряду с типами номинативным, эргативным и т. п.), выдвинутая Г. А. Климовым, подвергалась самой серьезной критике. Сущность предпринятой на этой основе реконструкции праязыковой грамматики состоит в следующем. Известно, что в древних индоевропейских языках глагол обладает чрезвычайно сложной структурой и является как бы центром предложения, отображая в себе остальные его компоненты. В индоевропеистике для праязыкового состояния принимался либо такой же глагол (чем во многом «снялось» языковое развитие), либо восстанавливался «примитивный», аморфный строй, для которого само различие имени и глагола проблематично. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов пошли по другому пути и восстанавливают такой грамматический строй, в котором доминирует имя. Глагольные формы и слова избираются в предложении в зависимости от имманентных свойств управляющих ими имен, в зависимости от того, являются ли эти имена «активными» или «инактивными». Данная особенность соотносена в книге со спецификой мышления носителей индоевропейского праязыка и, следовательно, с их культурой.

И реконструкция фонетики, и реконструкция грамматики имеют в книге определенное историко-культурное значение. Восстановленный авторами звуковой облик праязыка служит основанием для того, чтобы локализовать его по соседству с языками с аналогичным звуковым строем (семитские, картвельские). Восстановление доминанты имени побуждает авторов отнести праязык к эпохе, для которой было характерно более конкретное мышление, чем для последующих эпох. Оба эти положения следует квалифицировать как чрезвычайно интересные гипотезы. Однако их принятие или неприятие не может служить доводом против разработанной в этой книге теории прапродины, ни против предлагаемой хронологии, так как место и время функционирования и распада праязыка определяются с помощью разнообразных средств.

В третьем разделе первого тома проводится анализ изоглосс, в результате которого предлагается схема распада праязыка. Членение общиндоевропейской языковой области представлено в книге следующим образом. Сперва «общиндоевропейский» праязык распался на две ветви, условно названные авторами «А» и «Б». Эти две ветви делились дальше в различном темпе. На первом этапе их распада ветвь «А» разделилась на анатолийскую и тохаро-кельто-италийскую; ветвь «Б» в эту эпоху оставалась неразделенной. На следующем этапе тохаро-кельто-италийский распадается на итало-кельтский и тохарский, а сохраняющаяся до этой поры ветвь «Б» распадается на арийско-греческо-армянский и балто-славяно-германский. Гипотеза о неравномерности распада праязыка и разработка ее на конкретном материале — важный новый шаг в индоевропеистике. Следует, однако, помнить, что интерпретация самих изоглосс основывается во многом именно на той реконструкции, которая предлагается авторами, и, следовательно, зависит от ее достоверности.

Характеризуя первый том в целом, следует подчеркнуть, что его значение состоит прежде всего в разработке новых идей, этому подчинено все изложение. Но несмотря на богатство привлекаемого материала, читатель не сможет воспользоваться этим томом как справочником: в нем отсутствуют систематизированные парадигмы, материал для подтверждения звуковых соответствий. Поэтому и впредь придется прибегать к трудам К. Бругмана и А. Мейе, хотя со времени их создания индоевропейское языкознание существенно пополнилось и новыми материалами, и новыми теориями.

Второй том состоит из двух больших разделов: семантического словаря и раздела, озаглавленного «Хронология общиндоевропейского языка, проблема индоевропейской „прапродины“ и пути миграций индоевропейских племен в исторические области расселения». В семантическом словаре реконструированные слова рассматриваются в их социальных и культурно-исторических связях. Каждое слово (понятие) является фактически объектом отдельного исследования, по поводу каждого из них может быть развернута научная дискуссия. Общий подход к праязыковой лексике определяется принципами научного направления, называемого иногда «московско-тартуским»; речь идет о своего рода этнофилософии, основанной на интерпретации различных этнографических, социальных, лингвистических и иных явлений путем обращения к некоторой универсальной мифологической «картине мира», относительно которой предполагается, что она определяет мышление всех народов на ранних этапах развития и сохраняется в маргинальных сферах до наших дней.

Семантический словарь в книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова не полон: так, в нем отсутствует анализ обозначений важнейших качеств («прилагательные»). Между тем прилагательным принадлежит серьезная роль в локализации реконструируемой глоттофорной общности. Как показал С. Е. Яхонтов, в языках северных регионов имеется тенденция различать понятия «теплый» и «горячий», в то время как в языках южных местностей дифференцируются понятия «прохладный» и «холодный». В связи с этим интересно отметить, что в прилагаемом к книге указателе «общиндоевропейских семанте» представлены «горячий» (с. 1129) и «теплый» (с. 1135), а также «жаркий» (с. 1130); «прохладный» же и «холодный» отсутствуют.

Детальный разбор семантического словаря потребовал бы объема, во много раз превышающего саму книгу. Поэтому для примера ниже разбираются некоторые обозначения животных. Слово «Барс» (а тем более «леопард») индоевропейцами для праязыка не восстанавливалось. Несомненна заслуга авторов в подробном сравнительном разборе обозначений этого животного, имеющихся в древних индоевропейских языках, а также в ряде современных (иранских, кафирских). Убедительно показано, что индо-

европейские термины возводимы к слову, бытовавшему в древности в Восточном Средиземноморье и в Западной Азии, сохранившемуся в хаттских текстах. В книге также анализируются древние культовые и ритуальные представления о леопарде. Однако в дополнение к тому, что сообщают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, необходимо указать, что отнюдь не утратила значения возможность возведения слов, обозначающих леопарда, к индоевропейскому корню *perd-, представленному в названиях различных пятнистых животных; само древнеближневосточное слово могло бы иметь, следовательно, индоевропейское происхождение — индоевропейцы, столкнувшись на юге с этим животным, с большой вероятностью назвали бы его «пятнистым». В фонетическом отношении формы с основой pag- могут восходить к *perd-s-. С другой стороны, примечательно, что имеются археологические свидетельства о распространении леопарда вплоть до Тюрингии (Веймар) и Северного Кавказа (Кубань — *Panthera pardus ciscaucasica*, по данным К. А. Сатунина).

«Лев» тоже обычно не восстанавливался для индоевропейского языка. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов реконструируют соответствующее индоевропейское слово, основываясь на древнегреческих, германских и хеттских данных, что не может быть признано вполне убедительным. Авторами не рассматривается предположение о том, что это слово может быть семитским заимствованием (ср. угаритское lb') или древнеближневосточным словом, проникшим и в греческий и — через посредство неизвестного языка — в германский. Хеттское *uāša-* вряд ли может быть безоговорочно отнесено к этой группе слов; редупликация на основе второго звука корня маловероятна. Приходится, конечно, считаться, с тем, что при обозначении крупных хищников возможны весьма нерегулярные звуковые изменения, так, др.-инд. *śimha-* может быть связано с древнеиндийским же корнем *hims-* «ранить, убивать и т. д.». Во всяком случае, отнесение «льва» к числу животных, которых знали носители индоевропейского праязыка, остается в высшей степени проблематичным. Неясно также, что индоевропейцы знали о пещерном льве (*Panthera spelea*). «Рысь», напротив, хорошо представлена в большинстве ветвей индоевропейских языков; в книге слова, обозначающие ее приведены; отмечается также незначительная культовая роль рыси у большинства индоевропейских народов. Это слово не следует обязательно относить к корню *leuk — «светить», оно может быть древним центральноазиатским заимствованием: ср. такие алтайские слова, как маньчж. *luka-* — «рысенок», ороц. *loke* — «рысь» и др. Напротив, тюркское слово, представленное, например, в узб. *силовсин*, может быть древним, центральноазиатской индоевропейской формы с начальным наращенным s- («s mobile»). Малоизвестная культовая роль рыси может отражать очень глубокую древность или утрату древнейших верований, замещенных возникшими в различных новых условиях более детализированными культами крупных хищников.

Рассмотренные реконструкции слов для обозначения кошачьих показывают, насколько сложно ориентировать восстановленные праязыковые слова географически. Трудности усугубляются тем, что обозначения животных нередко переносятся с одного вида на другой, а также тем, что палеозоология восстанавливает ареалы распространения животных, не совпадающие с современными.

Много внимания авторы, естественно, уделяют коню, что представляет несомненный этнографический интерес. Рассматриваются обозначение коня — реконструкция праиндоевропейского слова, роль коня в мифологии отдельных ветвей индоевропейцев, проблема domestикации, связи индоевропейского слова с различными неиндоевропейскими. Отмечается, что для «арханчного периода следует допустить... применение верховой езды с целью объезжания и укрощения коней, в том числе при одомашнивании диких животных» (с. 557). Из этого вытекало бы, что «арханчный период», под которым естественно понимать эпоху полного единства индоевропейского праязыка, а не эпоху накануне его распада, совпадает со временем domestикации эквидов и предшествует изобретению колесниц. Это положение может быть интерпретировано в сопоставлении с идеей, высказанной В. Б. Ковалевской и поддерживаемой в данной книге (с. 558), — о domestикации эквидов в Нижнем Поволжье и в Северном Причерноморье. Внеиндоевропейский лингвистический материал, привлекаемый в работе, очень богат и интересен, ведет при этом к реконструкции праформы не *ekuo-, а *s-ekuo — «s mobile»; однако среди собственно индоевропейских языков таких форм не обнаружено. Существует другая проблема: само индоевропейское обозначение коня по своему словообразовательному типу не может рассматриваться как очень арханческое; кроме того, неясна его внутренняя форма, его невозможно произвести от какого-либо корня. Сказанное позволяет предположить здесь древнее заимствование из неиндоевропейского языка, которое косвенно указывало бы на то, что коневодство было усвоено индоевропейцами у какой-то другой общности (ср. предположение, высказанное в книге, о том, что «ареал Средней Азии следовало бы считать древнейшим ареалом domestикации лошади, откуда она могла попасть в наиболее восточные области Европы» — с. 558). Возможно, что в Средней Азии в начале V тыс. до н. э. на основе domestикации лошади сложилась сравнительно небольшая «протоиндоевропейская» орда, которая устремилась на северо-запад, колонизовала область вплоть до Причерноморья, явившись основой более мощной праиндоевропейской общности, — такое предположение подкрепляло бы известную гипотезу Б. Шлерата.

Множество подобных вопросов и проблем возникает при чтении каждого из параграфов семантического словаря. В большинстве случаев авторы не стремятся к «абсолютной реконструкции», центр их интересов — между филологически документированным изложением древних традиций и соображениями о праязыковом состоянии. В комментированном выше разделе о лошади очень подробно описывается культ лошади, различные ритуалы у древних народов, а также у тех народов, которые сохра-

или древние традиции, например у литовцев и латышей. Каков был культ коня у «праиндоевропейцев», рассмотрено весьма конспективно.

Семантический словарь содержит огромное количество сведений; содержащаяся в нем информация несомненно послужит базой для развертывания нового «витка» разысканий по реконструкции праиндоевропейской культуры.

Далеко за пределы языкознания выходит представленный в книге анализ терминов кровного и брачного родства (с. 755—775). Реконструкция праязыковой системы терминов родства осуществлена как компонент более широкой системы — социальной организации в целом. В данном отношении авторы находятся под определенным давлением этнографических моделей, типологические соображения во многом определяют стремление восстановить «дуальную» организацию. Данная реконструкция находит, однако, поддержку и в языковом материале, прежде всего в терминологии брачного родства, традиционно толкуемой как образец асимметрии — с наличием терминов, обозначающих родственников по мужу и отсутствием обозначений родственников по жене. К сожалению, при этом никак не комментируется реконструкция терминологии брачного родства, осуществленная О. Семереньи и включающая обозначения родственников со стороны жены.

Основным доводом в пользу дуальной организации, извлекаемым из анализа терминологии брачного родства, служит совпадение терминов, обозначающих «деда» и «дядю по матери», «племянника» и «внука»; и в этом случае не учтены соображения О. Семереньи, основанные на анализе обширного этнографического материала с особенно интересным разбором типологии эмоциональных отношений. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов с полным основанием вводят в описание терминологии брачного родства диахроническое измерение, связывая ее развитие со сменой одного типа брака другим. Более ранним типом брака у праиндоевропейцев несомненно было «умыкание», неоднократно регенерировавшее и позже. Следующая во времени форма брака — «обмен». Эта стратификация позволила бы отнести менее развитую систему терминов к раннему времени, более развитую, включающую ряд обозначений родственников со стороны жены, — к более позднему времени.

Такая интерпретация согласовывалась бы с предположением о том, что на наиболее древней стадии восстанавливаемой истории индоевропейцы являлись небольшой, весьма подвижной «ордой», возможно, имевшей архаические связи на Ближнем Востоке, domesticiровавшей лошадь в Средней Азии и благодаря этому распространившейся на большой территории. Члены этой орды и похищали женщин, как это описано, например, в Авесте применительно к тем поклонникам Ветра и Волка, против которых боролся Зороастр. О том, что эти давние события разворачивались на территории, сопредельной с Центральной Азией, говорит серьезная возможность того, что сам термин, обозначающий «женщину», мог быть заимствован из языка-предка алтайской семьи.

При определении значений терминов брачного родства необходимо также различать «физиологические» этнографические отношения («субстанция содержания» для лингвиста) и реальные значения терминов («форма содержания»); так, например, таджикское слово *домод*, непосредственно продолжающее индоевропейский термин, обозначает: а) зятя, б) молодого мужа, в) жениха; но с точки зрения имманентной эти значения не разделяются и речь идет о «молодом мужчине относительно начинаемых им брачных отношений». Подобные значения как бы предохраняют от европоцентристской позиции и подсказывают возможность сходного семантического распределения и в праязыке. В данном случае такое толкование было бы дополнительным доводом в пользу вполне убедительной реконструкции практики умыкания, не требующей реконструкции брачного ритуала, специальной формы брака и т. п. и предполагающей самую элементарную систему терминов, самих по себе достаточно выразительных: в книге не приводится толкование «золовки» (т. е. непохищенной юной сестры мужа) как «куницы».

В заключительной части книги устанавливается хронология общиндоевропейского языка, определяется индоевропейская «прародина», в соответствии с ее локализацией прослеживаются траектории миграций отдельных ветвей индоевропейцев. Эта часть особенно важна для этнографов. Отнесение индоевропейского праязыка к V тыс. до н. э. не вызывает возражений, такая хронология принимается большинством ведущих исследователей. Сложнее обстоит дело с локализацией «прародины». Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов выдвинули гипотезу о первоначальной территории распространения общиндоевропейского языка в Передней Азии, и в частности на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии примерно в сфере распространения халафской археологической культуры (с. 964). Эта гипотеза основывается на совокупности данных по «лингвистической палеонтологии», подкрепляемых рядом других доводов. Процедура «лингвистической палеонтологии» состоит в следующем. Реконструируются праязыковые слова, на основе их совокупности строится картина жизни «пранарода»; для нее затем подыскиваются археологические, этнографические, географические, зоологические, ботанические и другие корреляты. Слабость этого метода в том, что восстановление значений праязыковых слов связано с большими трудностями. До сих пор не удается выявить законы изменения значения, подобные звуковым законам. Так, например, для праязыка обычно восстанавливают дендроним «береза» (*bʰereg- на основе др.-ин. bhūṅja-, лит. bėrzas, др.-англ. beorc); однако в других языках родственные слова обозначают «ясень», «вяз», «ель». Речь идет о первоначальном обозначении дерева по цвету, корень *bʰereg- имеет значение «светиться»; поэтому по существу остается неясным, действительно ли праиндоевропейцы знали березу, могли ли они ее идентифицировать. Соответственно не вполне правомерно определять прародину, ори-

ентируя ее относительно ареала распространения березы. Таково положение и со многими другими словами. В некоторых случаях аргументы, приводимые в книге, еще менее приемлемы. Разумеется, праиндоевропейцы знали понятия «облако/небо», «ветер», «дождь», «снег», «зима», «жара», «тепло», «река» и даже «скала», «возвышенность», но из этого никоим образом не вытекает, что прародину необходимо локализовать в области высокогорного ландшафта, что ее невозможно помещать в северных областях Евразии (с. 866), — соответствующие слова имеются и в эскимосском языке. Но критика этих аргументов и не означает того, что «прародину» необходимо помещать на Севере. Ближневосточную гипотезу Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов аргументируют и при помощи ареальных сближений в лексике между индоевропейским и такими древневосточными языками, как шумерский и различные семитские и картвельские языки, а также древнеегипетский. Эти сближения в основном убедительны, авторы справедливо обвиняют в послесловии И. М. Дьяконова, не принимающего их, в гиперкритицизме. Но в то же время в недостаточной мере учтены индоевропейско-центральноазиатские связи, из них рассматриваются лишь контакты с угро-финским; толкование же индоевропейско-угро-финских сближений подчас вызывает сомнение: например, угро-финское *ogvo — «сирота» не вполне корректно толкуется как «древнеевропейское» заимствование, оно может быть и праязыковым (ср др.-гр. ὄρφανος — с. 940).

Вопрос о «прародине» очень сложен; на современном уровне развития индоевропеистики вряд ли можно окончательно относить ее к таким областям, как пространство от Северного Причерноморья до Южного Урала или северная оконечность зоны Благодатного Полумесяца. Для установления «прародины» прежде всего нужна еще более основательная реконструкция праязыковой лексики, с восстановлением не корней или основ, а полных слов. Авторы книги внесли большой вклад в изучение семантики праязыкового словаря, но значение многих праязыковых слов все-таки еще требует существенного уточнения путем привлечения широкой семантической типологии, которая, впрочем, сама нуждается в основательной разработке. Во всяком случае, авторы сумели лингвистическими средствами подтвердить положение о транскаспийских контактах индоевропейцев в самые древние эпохи их существования, выдвинутое Н. Я. Мерпертом. Так что предпосланный соответствующему разделу книги эпиграф «Ex oriente lux» является вполне уместным.

Книгу Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова не следует стремиться как-то однозначно оценивать, ее нужно изучать. Поднимаемые в ней вопросы следует продолжать исследовать, используя более широкий и новый материал, иные методы. По диапазону охвата проблем и данных эта книга уникальна, по предлагаемым решениям — проблематична. В нее вложен титанический труд, она является выдающимся событием в развитии гуманитарной мысли, но это не справочник и не учебник.

Особо следует отметить очень высокое полиграфическое качество издания. Издательство Тбилисского университета по праву может гордиться этой книгой. В целом же следует выразить надежду, что труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова вызовет новый подъем компаративистических штудий не только в индоевропеистике, но и в области изучения других языковых семей, не только в лингвистике, но и в этнографии, археологии и в других науках.

Л. Г. Герценберг

НАРОДЫ СССР

М. М. Громыко. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.

Выход в свет новой монографии М. М. Громыко стал заметным событием в отечественной историко-этнографической науке. Необычен сам предмет исследования — традиционные нормы поведения и формы общения в русской деревне XIX в. Можно говорить об открытии автором самого феномена народных этических традиций. Однако главное, что составляет новизну работы, — это системное рассмотрение объекта: М. М. Громыко вносит заметный вклад в разработку методики науки, ее методологических принципов и категориального аппарата.

Важное место принадлежит вводной части монографии. Принимая всю духовную культуру народа за макросистему, автор выделяет в ней в качестве предмета изучения систему нравственно-этнических представлений и традиционных норм поведения. С завидным профессионализмом М. М. Громыко выявляет ее структуру, отдельные элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Автор показывает перспективные возможности научного поиска в избранном направлении и очерчивает круг источников, на которые могут опираться специалисты.

Конкретно-историческому анализу в монографии подвергнуты, однако, не все структурные компоненты системы (подобную задачу и нельзя решить в одной книге), а лишь те, которые, составляя одну из подсистем, связаны с этикой внутриобщинных неродственных отношений. М. М. Громыко внимательно исследует важнейшие институты и механизмы, обеспечивавшие практическое функционирование названной подсистемы в сложных условиях XIX в. Сюжетные и хронологические рамки работы представляются вполне обоснованными.